

ВЛАДИМИР ПОПОВ

РОССИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ УТИЛИЗАЦИЯ?

“...Но государство ведь тоже не целиком от дьявола. Оно имеет своё призвание. Его идеальное имя — справедливость”.

Георгий Федотов
“Судьба и грехи России”

Понятие модернизации сформулировал для себя как профессиональную способность людей научно управлять изменением общества. В моём кратком определении нет идеологии, всё предельно понятно, кроме одного — что считать наукой и где в современной России взять “вождей”, которые хотя бы на уровне просвещённого дилетантизма понимали действительные проблемы развития собственной страны. А не строили “инновационные” песочные замки с полями для игры в гольф в Подмосковье, по-детски радуясь словам одобрения своим планам “железного Арни”, теперь уже бывшего губернатора Калифорнии. Россия, да будет известно кремлёвским звездочётам, в своей истории трижды, благодаря радикальным реформам, выходила на мировой уровень развития. Особенность их заключалась лишь в том, что модернизации были догоняющими, мобилизационными и проводились авторитарными методами. Поэтому небольшой экскурс в историю, чтобы не было иллюзий о нашей исключительности, а это всё больше наблюдается в поведении руководителей страны, будет уместен.

Первая средневековая модернизация — пороховая, — была проведена, что важно знать и нашим западникам, не в Европе, а на Востоке. Её возможностями тогда умело воспользовались китайская династия Мин и Япония, почти триста лет мучительно преодолевавшая феодальную раздробленность. Примерно в середине XVI века, на пике новых географических открытий и технологий создаются индостанское царство Великих Моголов, Османская Турция и Сефевидский Иран, во многом изменившие политическую картину мира той эпохи. Новые империи и их правители, включая испанских Габсбургов, опирались в своей экспансии на мощную армию, вооружённую уже огнестрельным оружием, и религии, ставшие идеологиями, которым суждено было сыграть огромную роль в истории развития человечества. Выявилась и общая пробле-

ма новых государств, ставшая для них роковой. Неизбежный при азиатской деспотии консерватизм бюрократии, набравшей силу, не позволил ей вовремя поймать и “оседлать” новую волну назревших реформ, что в дальнейшем разрушило казавшуюся незыблемой государственность.

А патриархальная Россия при Петре I – смогла. История, как известно, дама своевольная, и потому желания и поведение её слабо предсказуемы. Поразительно, но стимулирующими оказались последствия страшного Смутного времени. В этом, вероятно, и проявляются парадоксы развития. Многим неведомо, что Иван Грозный в управлении государством не стыдился заимствовать опыт исторического врага – Османской империи. У султана были янычары, у нас – стрельцы. Московский царь учредил кавалерию помещиков, а более ранний турецкий аналог высокородных воинов – тимариоты. Приказы и, полагаю, сохранившие недобрую память в веках опричники – тоже османского происхождения. Дело в том, что в составе подразделений янычар находились отряды, которые пользовались особым доверием султана. Их главная задача заключалась в уничтожении явных и потенциальных врагов. Самые настоящие эскадроны смерти. Другой, не менее важной их функцией была – идеологическая. Эти блюстители порядка и веры воспринимались всеми подданными империи, как источники и хранители животного “страха” перед наместником аллаха на земле. Неким мистическим воплощением неотвратимости возмездия за любые отклонения от установленных “божественным” правителем правил поведения. Как убога порой человеческая природа – проходят века, а мы по-прежнему мыслим категориями средневековья и поступаем соответственно с ними.

Вернёмся всё-таки к России, её судорожным поискам себя в хаосе исторического потока. При Иване Грозном центральная власть необычайно усилилась, её функции усложнились, более строгим, а зачастую жестоким стал спрос за должное исполнение царской воли. Родившаяся в те сумрачные годы бюрократия стала многочисленной, соответственно возросли её амбиции и алчность. Разорительные войны, физическое устранение целых боярских родов и многолетнее грабительское изъятие “излишков” у крестьян – чем не продрозвёрстка! – породили в стране страшный голод и бесконечные бунты “черни”. Все эти свалившиеся на народ несчастья совпали с трагическим для царства кризисом правящей династии и фактическим распадом государства. Понадобилось время, чтобы, пройдя через хаос, немислимые человеческие страдания, национальное унижение, польскую оккупацию и освободительную войну, наконец-то наступило “озарение” и сплочение народа с частью боярской элиты. Россия вновь, как после освобождения от ига Золотой Орды, возродилась из пепла и, по мере обретения сил, стала, к недовольству монархов европейских стран, разумно обустривать свою национальную жизнь.

Реформы Петра I рождались явно не на пустом месте. Экономические и идейные предпосылки второй модернизации формировались в муках ещё в предшествующем веке. Россия была далеко не в пещерном состоянии – эта, навязанная во славу Петра, грубая ложь исказила её историю и нанесла огромный вред формированию национального самосознания русского народа. По своему мировоззрению и методам управления государством император всея Руси вполне заслуженно мог бы причислить себя к наиболее радикальной части большевистского руководства. Какие яковинцы – пусть отдыхают! Он и только он, более чем кто-либо другой, впряме претендовать на роль их предтечи. Отсюда и уважительное к нему отношение коммунистических вождей. Знаменитая реплика И. Сталина: “Не дорубал Петруха...” – говорит для знающих людей о многом. Император не только жестоко и порой бездумно корчевал вековые традиции и сложившийся уклад жизни, совершая тем самым преступления против своего народа, который для него был обычным строительным ресурсом и пушечным мясом. Он решительно уничтожал и устаревшие государственные структуры, в своё время организационно обеспечившие предыдущую реформу. Ликвидировал стрелецкое войско, систему приказов, превратил церковь в государственный институт, создал новую элиту – дворянство, лучшая часть которого в течение полутора веков верой и правдой служила развивающейся стране. Увы, у многих новоявленных аристократов очень быстро обнаружилось общее для всех нуворишей стремление к красивой жизни “по-царски”. Как только они достигали больших чинов – тотчас начинали с изрядной ловкостью “кроить” государеву казну и брать мзду

с просителей за “правильные” решения. Как всё до боли знакомо — меняются времена, но не люди. Нельзя сказать, что российские самодержцы безусловно наблюдали за происходящим, наказывали, порой и достаточно строго, берущих взятки, но сил и воли для искоренения зла явно не хватало. Не случайно император Николай I, отличавшийся огромной работоспособностью и личной скромностью в обыденной жизни, изрёк однажды с нескрываемой горечью: “В России не ворую только я”.

Тем не менее, модернизация прошла успешно. Территории и ресурсы империи значительно выросли за счёт исторических врагов — поляков, шведов, персов и турок. Были созданы отечественная металлургия, промышленное производство современного вооружения и, что очень важно, судостроение. Россия, завладев незамерзающими портами на Балтике, стала великой морской державой. Кто сегодня этого не знает? Риторический вопрос. Эпохой “славных дел” в современной России гордятся и даже стараются ей подражать, особенно в возрождённых имперских ритуалах, хотя выглядят они излишне театрально и, скажу прямо, не естественно — “дворяне” явно не те, да и фактурой не вышли.

Что поделаешь, нравится аристократическая вычурность “птенцам с голубой кровью” столярного града Петра Великого. Не наигрались ещё, подождём-с. До сих пор любимы народом написанные, правда, ещё в советское время, с захватывающим сюжетом исторические романы о деяниях Петра и его удачливых соратников. Не забыты и снятые тогда же талантливые кинофильмы с прекрасными актёрами в главных ролях; в поэмах и бронзе увековечен царственный лик государя-реформатора. Цена его трудов тоже хорошо известна — численность мужского населения страны резко сократилась, так как потери в войнах и смертность от каторжного труда на казённых заводах и при строительстве европейского города на Неве были огромные. Не будет преувеличением сказать, что Северная Пальмира была построена на костях “подлого” люда. Когда Владимир Путин, оправдывая жестокость основателя Петербурга, утверждает, что его патологическое бессердечие было в пределах нормы того века, я невольно себя спрашиваю: а в чём же тогда вина Ивана Грозного или Иосифа Сталина? Последний волей судеб возглавил Россию в ещё более жёсткое время, но ему нет прощения от либеральной власти. В отличие от Петра I, он не западник, великоросс, и потому гореть ему вечно в либеральной “геенне огненной”. Замечание это — по ходу рассуждений, и не более того.

Церковь, униженная и преобразованная императором по византийскому образцу в “министерство” по делам религии, потеряла в те годы навсегда свою независимость. Ей уже ничего не оставалось, как только обслуживать интересы самодержавной власти и, разумеется, преданно служить императорам, вынужденно признав их власть от Бога. Поэтому после Петра Великого было уже неважно, как человек попадал на трон, чем охотно воспользовались его “наследники”. Сыновья устраняли негодных отцов на престоле, убивали, заточали в монастыри родственников и, заняв трон, получали через помазание отпущение своих смертных грехов. Тогда и начался губительный для церкви раскол, и трагический отход от веры русского народа, равнодушно встретившего через два века свержение монархии Романовых и смиренно принявших надругательство большевиков над православием. А для крестьянства безбожный император был и оставался вплоть до 1917 года царём-Антихристом. Советские историки об этой стороне личности выдающегося реформатора предпочитали не говорить, в отличие от учёных прошлых веков, да и нынешние, вот незадача, предпочитают не особенно распространяться. Что делать — “питерские” на хозяйстве в стране!

Вместе с реформами на Русь пришла ещё одна негаданная беда — “западные специалисты” — неведомая до той поры чужеродная и своекорыстная публика, сразу заявившая о своих финансовых притязаниях и, разумеется, о видах на власть. Потому что в России власть и деньги, перефразируя любимого мной пролетарского поэта Владимира Маяковского — “близнецы-братья”. Появились и “новые” русские, для которых Европа с тех лет стала “землёй обетованной”.

Но правда не бывает одноцветной, и уже к концу XVIII века Российская империя стала сверхдержавой. А в 1815 году диковато красивые донские казаки генерала Платова с удовольствием гарцевали по булыжным мостовым

Парижа и Берлина и, молодцевато подкручивая усы, благосклонно отвечали на многообещающие взгляды внешне очень “беззащитных” европейских дам, так разительно непохожих на гордых и своевольных казачек. Дело обычное, природа не терпит пустоты, и победители во все времена влекли к себе женщин поверженных стран. Мужское же население Франции, “благодаря” победоносным, до похода на Москву, войнам Наполеона, пало на полях сражений за историческое бессмертие своего неистового корсиканца. Поколение же властителей дум XIX века, всемогущих банкиров, владельцев промышленных империй и просто добропорядочных буржуа – отцов семейств, только подрастало. И будущие, “подбитые ветерком” французы, слетевшиеся потом, как коршуны, “на ловлю счастья и чинов” в Россию, ещё невинно агукали. Никто не знал Дантеса, а о юном поэтическом даровании Александра Пушкина уже вовсю шептались в аристократических салонах северной столицы. Всё было в руках судьбы, казалось, благосклонно распростёршей свои длани над огромной державой, и Чёрной речки могло не быть, но неумолимый рок избрал уже своей целью Россию.

Именно в те годы родилась неразрешимая до сих пор проблема – успех реформ порождает вполне, на первый взгляд, естественное стремление бюрократии любыми путями закрепить и сохранить достигнутое. И не утруждать себя мыслями о будущем, забывая, что на земле нет ничего вечного, а человечество, вслед за техническим прогрессом, уверенно вышло на марфонскую дистанцию, с которой уже никогда не сойдёт. По этой причине царь, его приближённые не смогли вовремя отменить в России крепостное право, реформировать армию, что было крайне необходимо после Крымской войны, и провести индустриализацию, которую всё равно пришлось, перенапрягая силы народа, делать в значительно худших условиях И. Сталину. Если кто и был духовным отцом М. Горбачёва в XIX веке, так это Александр II. Его важные, но половинчатые реформы невольно сплотили аристократию вокруг непримиримых консерваторов, которые с той поры стали ещё более жёстко отстаивать свои права на занятие государственных должностей и доходы от помещичьего землевладения. Им противостояла не менее радикальная разночинная интеллигенция, чисто российское социальное изобретение, чьи знания и энергия были заблокированы дворянством при явном попустительстве монархического государства. На поддержку царя-батюшки рассчитывать не приходилось. Не видя перспективы, молодые люди бросились очертя голову на создание проектов переустройства мира, стали писать социальные романы и пошли в народ, горя фанатичным желанием осчастливить и просветить его, невежественного, не оставляя, между тем, надежды вместе с ним решить и свои проблемы. А когда “неблагодарные” селяне стали сдавать их в полицию за подстрекательство к бунту, они, сильно обидевшись, начали стрелять и метать бомбы в кого ни попадя. Опасный был народец, эти лёгкие на подъём российские “разночинцы”. Будущие ужасы гражданской войны, где обезумевший народ захлебнулся собственной кровью, и на их совести тоже. Народолюбцы, эсеры и прочие борцы за народную волю, как правило, из местечковых евреев и недоучившихся студентов, походя убили более полутора тысяч царских сановников в преддверии первой русской революции. Они породили страшную иллюзию эффективности террора как универсального метода решения объективных общественных противоречий, привив опасный вирус равнодушия и жестокости новым поколениям революционеров, для которых человеческая жизнь стала простым расходным материалом в достижении коммунистических утопий. “Хворостом”, который “демон” Октябрьской революции Лев Троцкий намеревался бросить в топку так и не свершившейся мировой революции. Россия в начале XX века в полной мере испытала на себе трагические последствия запоздалой реакции косной властной элиты на объективные требования проведения назревших социально-экономических и политических реформ.

Судьба, по моему убеждению, была крайне несправедлива по отношению к СССР, отведя ему такой исторически короткий срок. Но и этих семидесяти лет вполне хватило, чтобы убедительно доказать себе и всему миру, что народ, объединённый идеей, дисциплиной и политической волей вождя, способен штурмовать небо. Первые советские пятiletки – убедительное свидетельство огромных возможностей и в то же время объективных пределов догоняющего развития, к сожалению, вынужденного. Законы диалектики ни-

кто не отменял. Историю страны не просто переписать, хотя желающих это сделать во все века было предостаточно. Правители, разумеется, из лучших побуждений, с упоением занимались “творческим” переосмыслением прошлого под себя, неповторимого. Советские историки, не будем кривить душой, были далеко не безупречны. Они умудрились даже историю СССР так запутать, что чёрт ногу сломит.

Потому такие, как я, до сих пор и не могут до конца понять, где находятся истоки управленческой гениальности Иосифа Сталина. В 1917 году ему было всего 38 лет, и за душой, кроме врождённых способностей, подпольной революционной работы, бесконечных ссылок и побегов, ничего. Даже “провинциального” Оксфорда. Ни одного дня созидательной работы на ниве российской государственности, наоборот, все силы были отданы её разрушению. Тем не менее, в течение десяти лет после Октябрьской революции ему удалось создать мощный и профессиональный государственный аппарат управления. Административная система справилась с поставленными перед ней задачами, и в аграрной стране появилась многопрофильная, высокотехнологичная индустрия, которая в годы войны успешно конкурировала с промышленностью всей Европы, работавшей на фашистскую Германию.

Но высшим политическим достижением его в те годы, является, конечно, альянс с промышленниками США, обеспечивший в конечном итоге успех индустриализации. Им в период жесточайшего кризиса было предложено такое сотрудничество, от которого невозможно было отказаться. Кремлёвский горец, писавший совершенно справедливо в анкетах, что он русский, обладал редким стратегическим мышлением и пониманием не только природы экономических отношений при капитализме, но и психологии людей, принимающих важные управленческие решения. О сталинской модернизации написаны горы книг и монографий. В них много правды, наветов ещё больше, но, с разными оговорками, даже российские западники, кому научная добросовестность не позволяет без потери репутации протестировать, вынуждены признавать величие подвига, совершённого страной и народом. Эта эпоха будет всегда интересовать истинных учёных и политиков, независимо от их мировоззрения. В ней скрыты ответы на многие вопросы, которые уже поставлены новым временем.

Нужно снять затемнённые очки догматических идеологий и хотя бы один раз признаться честно (вдруг понравится), что сталинизм, без его крайностей, как система политических, экономических и социальных отношений в сложнейших условиях переходного периода, наиболее эффективная форма государственного управления. Мир, государства уже неумолимо втягиваются в длительный и сложнейший период кардинальных изменений всей человеческой цивилизации. Должна быть найдена адекватная сложности происходящих процессов модель управления. Иначе всё пойдёт вразнос. Глобальные корпорации и те, кто стоит за ними, не собираются властвовать, используя порядком поднадоевшую демагогию, именуемую ими демократией. Поэтому И. Сталин не остался в XX веке, он растворился в будущем.

История СССР великая и трагическая, и одна из основных причин его распада для меня, по крайней мере, очевидна. КПСС, являясь стержнем всей системы управления, не смогла своевременно внедрить в повседневную жизнь государства устойчивые мотивации к творческому труду, организационные формы, правовые и экономические стимулы замены материальных активов, отработавших свой срок. Инновации, как естественный процесс и неперемное условие научно-технического прогресса, не стали нормой производственной деятельности. Моральный и физический износ основных фондов – процесс объективный, его какое-то время можно не замечать, но технологическое отставание и последующее снижение производительности труда неизбежно дадут о себе знать. И всё вернётся на круги своя.

Теперь-то, по прошествии лет, мы стали подозрительно умными, иначе чем божественным “просветлением” это объяснить невозможно. Все сразу поняли, что тотальное огосударствление сферы производства и чрезмерный контроль за общественной и личной жизнью свобододлюбивых, как выяснилось, советских граждан с неотвратимостью порождали своих могильщиков и их идейных вдохновителей. “Архитекторы и прорабы” перестройки, плоть от плоти сгнившей советской бюрократии, виновного во всех перегибах и смертных грехах нашли сразу. Им оказался, естественно, И. Сталин.

Не без помощи хитроватых соратников, преждевременно ушедший в мир иной, он оказался после смерти очень удобной фигурой для оправдания собственной бездарности всех последующих правителей СССР и новой России. Ведь нынешнее поколение и их родители не знают ни грана правды о руководителе, при котором народ поднял страну из пепла гражданской и Великой Отечественной войны и создал цивилизацию, ставшую прообразом будущего. Что делать, не всем дано понять логику развития человечества. Тем более, мы вынуждены жить в мире мифов, сложенных лукавыми и своекорыстными идеологами, в том числе и коммунистическими.

Вернёмся всё-таки к началу реформ 90-х годов, той спешке, в которой проходила приватизация и борьба за власть, когда “забыли” ещё об одном важном факторе, недооцененном и коммунистами – человеческой природе. Любая диктатура, независимо от политической и правовой формы, внушает страх и, прежде всего, номенклатуре, даже если она сама её неотъемлемая часть. Причина одна – административная система, в стремлении сохранить стабильность, пыталась жёстко регламентировать источники дохода допущенных во власть и контролировать “рекомендованные” нормы потребления и поведения. Такое “нормирование” повседневной жизни, сознательно преувеличенное либеральными критиками Советского Союза, вступило в противоречие с естественным желанием человека “системы” жить лучше дозволенного.

В СССР, что являлось неожиданностью для КПСС, “мелкобуржуазные” инстинкты потребления оказалось сильнее официальной идеологии и даже страха перед наказанием за отступничество от коммунистической морали, на страже которой стояли некогда всевластные партийные и правоохранительные органы. Поэтому, как показал наш, теперь уже исторический опыт, срок жизни “чистой” командной экономики максимум два поколения – пятьдесят лет.

Хотя попытки демонтажа системы начались раньше, ещё при активной жизни её отцов-основателей. Тридцатые годы XX столетия вскрыли всю глубину грехопадения многих большевиков, не потерявших человеческого лица в царских тюрьмах и мужественно переживших лишения гражданской войны. Но иммунитета, приобретённого в годы борьбы, не хватило на противостояние соблазнам власти, а точнее, появившихся возможным резко улучшить свой скромный, до чёртиков надоевший быт. Аскетизм как важнейший критерий морального облика революционера быстро потускнел и был с раздражением отброшен. Вместе с ним, увы, исчезла и позолота высокого и бескорыстного служения народу. Здесь не бывает спасительной середины: или ты с народом, и ты его часть, или ты над народом, и ты его господин.

Наличие партийного билета при И. Сталине не являлось индульгенцией от наказания за отступничество, вождь меньше всего походил на человека, отпускающего грехи, ибо сам был грешным, но только не мелочным. Бог ему судья!

А мы вернёмся к субъектам демонтажа СССР, так как отрекаются от идеи не только управляющие, но и управляемые. Первыми, ещё в конце 70-х годов, начали “бунтовать” специалисты, наиболее образованная и социально активная часть населения. У них, как утверждали некоторые партийные догматики, были явно завышенные ожидания от жизни и чрезмерная потребность в самореализации в сферах, недоступных, из-за отсутствия специальных знаний, рабочим и крестьянам – науке, технике и культуре. Они были молоды, честолюбивы и мечтали успеть сделать карьеру – эти интеллигенты в первом поколении. Многим удавалось, а многим – нет, потому что успех зависел и от членства в КПСС. И тогда на арену вышли дождавшиеся своего часа “властители дум”, фанатичные борцы за права человека, свободу и прогресс.

Демократизация, как объективный процесс обновления общественного строя в Советском Союзе, уже лет двадцать настойчиво ломилась в двери и стучалась в окна, но её, как незнакомую разбитную девицу, пожилые хозяева дома боязливо не пускали на порог, не зная, что с ней делать. Они были кержаки, люди религиозные, устоявшихся взглядов, и потому неукоснительно соблюдали традиции и правила, завещанные исстари. И, когда в конце 80-х годов с помощью младшего хозяйского сына, выломав дверные косяки, она, хмельная, ворвалась в горницу, то сразу же попала в похотливые объятия заранее собравшейся там номенклатурной челяди, смертельно уставшей жить в атмосфере стареющих запретов.

Мы все, кто жил в то время, невольные свидетели этого. Поразительно быстро выяснилось, что многие партийные, советские и хозяйственные руко-

водители не желают больше работать на государство только за зарплату, им надоело “шакалить” и не иметь возможности распорядиться мёртвым капиталом под страхом репрессий, зная по горькому опыту, что молох террора всегда возвращается к его вдохновителям. А “низы”, смертельно уставшие от бесконечных и оскорбительных очередей в магазины с полупустыми прилавками, перестали видеть смысл дальше тянуть, как бурлаки на Волге, “бичеву” безрадостного быта, без видимой перспективы дожить до коммунизма. Эту часть правды о Советском Союзе непременно должно знать среднее поколение и молодёжь, выросшая в другой России. Она, конечно, не вызывает чувства гордости за советскую элиту 80-х годов, но как говорил В. И. Ленин, наша сила в заявлении правды.

Самое время с “большевистской” принципиальностью задать друг другу вопрос, а возможно ли время повернуть вспять и провести в России ещё одну, догоняющую модернизацию? Тем более, за последние двадцать лет, благодаря “титанической” деятельности теперь уже антисоветского правительства, произошло катастрофическое погашение её научно-технического и промышленного потенциала, созданного коммунистами. Уточним, что для такого типа реформ необходимо, – история чему-то иногда учит, – избыточное в деревне крестьянское население, а также единство внутри правящей элиты и готовность “вождей” вместе с народом затянуть “пояса” на неопределённое время. Далеко не праздный вопрос, который требует профессионального и честного ответа. Есть ли ещё, славяне, порох в пороховницах?

Некоторый анализ вариантов и условий модернизации нам с вами, уважаемый читатель, не повредит. Но, прежде всего, необходимо уточнить, в какой же стране мы живём сегодня. Лично я – гражданин государства с необычным названием: “Углеродородный “Третий Мир”. Моя первая книга, изданная в 2004 году и посвящённая постсоветскому периоду, так и называлась. К сожалению, в диагнозе экономической болезни страны я оказался прав и точен в определении её социально-политической сущности. Амбиции у либеральной России, как у имперского СССР, а за душой уже почти ничего, кроме данных Богом энергетических ресурсов и, скажем спасибо тоталитарному режиму, ракетного ядерного зонтика, ветшающего год от года. А теперь пусть говорят цифры, они, как правило, бывают убедительнее любых рассуждений. В 1989 году добыча нефти и газового конденсата в СССР составляла 607 млн тонн. Экспортировали 115 млн тонн, или 20% от общего объёма. В 2009 году мы поставили на экспорт уже 247 млн тонн, или почти 50% из добытых 494 млн тонн. Всего же доля ресурсов во внешней торговле составляет более 80%. Россия сегодня, не будем лукавить и вслед за руководителями страны надуть щеки, – сырьевой придаток европейских стран, в том числе и государств Восточной Европы, ещё недавно входивших в СЭВ.

Поражает, если не сказать больше, динамика некоторых показателей состояния экономики в годы реформ. Весьма любопытен анализ последних двадцати лет. По сравнению с 1989 годом ВВП снизился в 1998 году до 55,8%. А наибольшее падение производства достигало 40,9% от уровня 1990 года. В течение последних пятнадцати лет ВВП, в расчёте на душу населения, был значительно ниже показателя 1990 года. О структуре его даже говорить не хочется. Лишь только в одном году, 2007-м, благодаря лукавой статистике он в рублёвом исчислении превысил дореформенные показатели. Не мудрствуя лукаво, вместо физических объёмов произведённой товарной продукции стали считать её стоимостное выражение, благо, что цены на углеводороды были запредельные. Невесть что, конечно, а картина улучшилась. Нынешний же его уровень должен быть предметом особой “гордости” правительства, он был достигнут Францией и Великобританией ещё в 1980 году, а США – примерно 50 лет назад. История XX века не знает такого масштабного падения производства среди других экономик мира, даже в годы войн, революций и экономических кризисов, как в Российской Федерации. Главная причина произошедшего ясна, как божий день – “младореформаторы” и питерская “бригада” избрали самую худшую из возможных моделей проведения реформы. Своими безграмотными решениями они породили нищету, тотальную коррупцию, криминализацию всех сторон жизни и нравственное падение общества.

Рассмотрим ещё один показатель, характеризующий положение дел в экономике. В 1989 году физическая изношенность основных фондов составля-

ла 45%, и новый Председатель Правительства СССР технократ Н. И. Рыжков хватался за голову. Ему уже тогда было ясно, что на такой технологической базе невозможно добиться повышения эффективности общественного производства. Тем не менее, именно в эти годы мы были на третьем месте в мире по станкостроению – вслед за Японией и Францией. США обиженно дышали нам в спину.

Сегодня всё, что осталось от бывшего величия отрасли, производит 5% от уровня 1989 года. “Живём”, если можно так сказать, за счёт импорта из Китая, который за валюту поставляет в Россию простые универсальные станки ещё советской разработки. Итоги 2010 года совсем удручающие – износ равен в среднем 70%, а по некоторым отраслям и того больше. Доля реального производства в ВВП России – около 50%, всё остальное – заслуга торговли и сферы услуг. Удельный вес промышленности в нём – 13%, высокотехнологичных производств – менее 8%. Для сравнения – на мировом рынке наукоёмкой продукции он оценивается в 2,3 триллиона долларов, доля США – 30%, Германии – 23%, Японии – 17,4%, России – 0,3%.

Только в энергетике мы впереди планеты всей – 20%. Страны “золотого миллиарда” в последние двадцать лет без лишней шумихи провели структурную перестройку промышленности и передислоцировали многие предприятия с традиционными технологиями в государстве с избыточной рабочей силой. А сами усиленно занялись созданием условий для развития инновационного сектора экономики, обеспечивая переход к шестому технологическому укладу. В России же в оставшемся производстве до сих пор господствующим является третий и четвёртый. Зачатки второй стадии пятого уклада проявляются лишь в космической, авиационной и атомной промышленности. И ещё несколько цифр, звучащих как приговор проводимой в стране промышленной политике, где используется в экономике лишь 8–10% инновационных идей и продуктов: в США – 62%, Японии – 95%. Научные институты, непосредственно связанные с российским производством, выполняют по его заказу всего 6% исследований, а в любимом либералами ЕС – 65%, Японии – 71%, США – 75%. Полный провал, иначе и назвать сложно, в фундаментальных и прикладных исследованиях. По публикациям российских учёных в признанных мировых изданиях мы на 14-м месте, по цитируемости – на 19-м. Показатель патентной активности ещё более печальный. Россия на 42-м месте.

В последние четыре года ни одна отечественная кампания не приобрела лицензию на использование патента или результатов научно-исследовательских разработок. Их собственники по невежеству, иная причина на ум не приходит, не считают интеллектуальную собственность капиталом. У КБ Сухого она составляет всего 0,04% стоимости всех активов. Для сравнения: у “Дженерал электрик” – почти 40%. Потому мы ничего и не можем предложить на рынке инновационных продуктов.

Написал эти строки, и вдруг на память пришло выступление лучшего счетовода “всех времён и народов” А. Кудрина 22 сентября 2006 года в Государственной Думе в связи с обсуждением проекта федерального бюджета. Сдерживая с трудом волнение и слёзы радости, он провозгласил “граду и миру”, что, начиная со следующего года, нас всех, имея в виду, вероятно, и сомневавшееся глупое человечество, ждёт самое настоящее “российское экономическое чудо”. Не сомневаюсь, в это мгновение он искренне верил в то, что говорил, и само будущее восхищённо смотрело на него широко раскрытыми глазами. Через два года мировой финансовый кризис внёс ясность в сроки наступления светлого капиталистического завтра в углеводородной России. Изуродованная реформами, она пострадала в разы сильнее других, о чём многие годы неустанно предупреждали независимые эксперты. Зато какие открылись у правительства легальные возможности распечатать огромную “заначку”, спрятанную подальше от чужих глаз в американских и европейских банках, имеющих колоссальный опыт “стерилизации” чужих денег.

Да, чуда не случилось – ведь оно возможно только при наличии умных голов у правящей элиты, но чего нет – того нет. Мозги мозгами, конечно, а жить нужно в любом случае. Тем более, попробуйте возразить, народ наш талантлив, терпелив и, как это ни странно на первый взгляд, чертовски изворотлив. Перефразируя известный народный афоризм, скажу – там, где русский прошёл, и хохлу, и еврею делать нечего. Поверьте, знаю по собственному опыту работы в бизнесе множество случаев поразительной предпри-

имчивости “наших”. А пока согласимся, читатель, с моим основным тезисом — при таком положении дел альтернативы модернизации нет.

И ответим ещё на один вопрос, есть ли в России всё необходимое и достаточное для её проведения. Готовы ли к решительным действиям правящая элита и общество, потому что без согласия власти и народа все попытки что-либо изменить будут обречены изначально. Недавние серьёзные исследования показали — 75% “простого” народа за модернизацию. Такой поддержки хватит с лихвой для начала любой самой сложной работы, но есть и настоящие живающие моменты.

Большинство, обращая внимание, считает главной целью будущей реформы укрепление государства, способного реально обеспечить соблюдение принципа социальной справедливости, прав человека и, что очень важно, равенства всех перед законом. А та задача, которая должна быть основной — создание высокотехнологичной инновационной экономики с высокой степенью интеллектуального труда, затерялась где-то очень далеко в сознании. Прискорбный для либералов социологический факт — квалифицированное большинство респондентов по-прежнему видят в государстве гаранта своих жизненных интересов. Можно, конечно, не соглашаясь, с негодованием продолжать “талдычить” о наследии тоталитарного советского прошлого, но в обозримом будущем уже ничего не изменится.

Как не вспомнить к месту любимого советским читателем весёлого хитреца Ходжу Насреддина, любившего поучать земляков: сколько ни произноси слово халва, во рту слаще не станет. Психическое состояние народа, назовите это ментальностью, формируется многими столетиями, если не более. Так что пенять коммунистам за испорченный ими человеческий “материал” глупо, а потому не продуктивно. Они сами, неожиданно для себя, столкнулись с непреодолимым сопротивлением этого материала. Мы имеем дело с типичным проявлением традиционного сознания, которое стало органичным для нас ещё задолго до 1917 года.

Есть смысл наконец-то внимательнее изучить историю древней Руси, познакомиться в архивах Киева — матери городов русских, беспристрастно познакомиться с жизнью простотюдинов и знати времён Московского царства, эпохой Ивана Васильевича. Ведь о том, что он был, оказывается, Грозным, русский люд узнал через много лет после его смерти от “заграничных” историков. Хотя, при всём желании, человеколюбивым назвать его очень сложно, даже если не смотреть на ночь последний шедевр российского кино с названием “Царь”, с очень странным актёром в главной роли. Нам придётся согласиться, что столь “неожиданно” проявившаяся психологическая особенность, и прежде всего, русского народа плохо сочетается с представлениями либеральной власти о непреходящих ценностях демократии и рыночной экономике. Особенно, с её криминальной российской модификацией.

У граждан России есть выстраданное за многие века понимание, в какой стране они хотели бы жить. Ничего нового своим утверждением я не открою — в авторитарном, не коррумпированном государстве с “человеческим лицом”. Как выяснилось, россияне ничего не имеют против частной собственности, но природные ресурсы, по общему мнению, должны быть в руках государства. А не “уполномоченных” правительством, сделавшим в экономике, а значит и в политике, ставку на олигархический капитал и замеченных в особых симпатиях к некоторым из них, “равноудаленным” от интересов России и народа.

Вообще винить людей в том, что они “не продвинутые”, смешно. В XX веке мы прошли такой курс “молодого бойца”, что многим “старослужащим” и не снилось. Пожили и послужили при разных режимах: и при монархии, и при социалистической демократии, и уже буржуазной вдоволь насладились, которая на глазах изумлённых россиян моментально превратилась в служанку новых “избранников судьбы”. Демократия и её якобы неотъемлемые ценности, торжественно провозглашённые в начале 90-х годов трубадурами буржуазных свобод, оказались фантомом. Не случайно поэтому одна треть граждан считают парламентаризм и многопартийность излишествами. Совершенно правильно понимая, что за обязательными атрибутами этой политической системы в условиях жёсткого диктата крупного капитала и всевластной бюрократии нет ничего содержательного, что имело бы отношение к их повседневной жизни. Разрыв в понимании, каким должен быть новый общественный строй, непреодолим. Политические верхи, неизлечимые, потому что

выгодно, от ложного либерализма, продолжают настаивать на принятых в западных странах “священных” принципах, взывая к естественным правам человека в духе Вольтера и Дидро. Безмолвное же, как выясняется — до поры, большинство, благо было время одуматься, на дух не принимает навязанную ему политическую систему. Люди просто хотят жить по-человечески: иметь стабильную работу, социальную защиту в случае житейских невзгод, возможность дать детям образование и гарантию от чиновничьего своеволия и преступности. А всё остальное, о чём так любят говорить новоявленные жрецы, от лукавого.

Здесь возникает ещё одна проблема, от которой просто так не отмахнёшься. Кого видит народ в качестве главного субъекта хозяйственной жизни и модернизации? Неистребимо в нас всё-таки советское прошлое — рабочих и крестьян, разумеется. И здесь даже я вынужден развести руками. Нет, дороги сограждане, взгляните на календарь. На дворе 2011 год от рождения Христова, и по бездорожью бывшей святой Руси уже который год с кистенём в руках гуляет молодой варнак-капитализм. Сегодня центровые: бюрократия, не любимая всеми, верхняя прослойка так называемого среднего класса, предприниматели и интеллигенция с её “комиссарскими” амбициями и безответственностью. Власть и собственники, конечно, не считают “творцов” серьёзными людьми, уж больно дешёво продаются, как уличные девки по дороге в аэропорт Шереметьево. Но, учитывая их безотказность, способность к лицедейству и откровенный цинизм (деньги не пахнут), держат на всякий случай рядом, на подхвате. Авось сгодятся для общения с населением, которое так радо обманываться, лишь бы сам процесс дух захватывал.

Главным же фигурантом нормальной рыночной экономики, при любой роли государства, является предприниматель. Без него проведение модернизации и создание инновационной экономики невозможно. Это аксиома, но только не у нас. Мы вынуждены учитывать, что в России нет критической массы цивилизованных бизнесменов, а есть олигархи, финансовые интересы которых не связаны с возрождением страны. Зачем им эта морока с инновациями на всю оставшуюся жизнь, без гарантированного успеха? Свою прибыль, в комфорте проживая в европейских столицах, они и так регулярно получают. Хочу ещё обратить внимание на сознательно отвлекающие нас от желания понять истинные проблемы пассы руководителей государства и околоремлёвских экспертов, продолжающих и в XXI веке добросовестно постигать современный капитализм по популярным учебникам, рассчитанным на папуасов.

Все они твердят одно и то же — без иностранных инвестиций нам, горемычным, Россию-матушку не поднять с колен. И потому наши целеустремлённые вожди без устали мотаются по белу свету с протянутой рукой, рассказывая, кому ни попадя, удивительные байки о безграничных возможностях, ожидающих мужественных инвесторов в далёкой, полуразваленной, но очень европейской стране. Главное, успеть занять очередь в первых рядах. Народ же в Европе, а теперь и в Индокитае, как на грех, стал образованный, они молча слушают, но в силу воспитания не могут себе позволить задать вслух всего один риторический вопрос, застывший на их лицах. Господа, а почему же при таких возможностях российские олигархи и само государство не инвестируют в современные отрасли? Вы говорите, что в России непочатый край работы, но за последние двадцать лет не построено ни одного крупного промышленного предприятия. Нехватка капиталов? Допустим, есть такая проблема, и не только у вас. Денежных ресурсов всегда не хватает в странах с догоняющим развитием. Тем более, откуда им быть, когда, по мнению специалистов, сумма вывезенного капитала достигла 1,3 триллиона долларов, что сопоставимо со стоимостью основных фондов России. И на государственных закупках чиновники, по признанию Д. А. Медведева, в 2010 году разворовали триллион рублей. Это, на всякий случай, для очень любознательных, годовой бюджет г. Москвы, в схватке за право распоряжаться которым Ю. Лужков проиграл и с позором покинул поле боя. Один лучший мэр “всех времён и народов”, не лишённый хозяйской хватки, ушёл, пришли другие лица. Посмотрим, чем они прославят себя и многострадальный город-герой.

Но дело даже не в том, что коррупция в России является системным условием государственного строительства и неизбежным фактором управления. Я давно пришёл к убеждению — этот генетический порок нынешней социально-политической модели блокирует любые попытки здравых реформ, даже

самых благих по целям. Слишком высоки “откаты”, не хватит собственного капитала, а он, как ни странно, есть.

К удивлению многих экономистов, о чём убедительно свидетельствует профессор Александр Бельчук, Россия даже в девяностые годы имела высокую долю сбережения – около четверти ВВП. А при высоких ценах на углеводороды она доходила до немислимых 40%. В странах “золотого миллиарда” этот показатель значительно ниже, примерно равен одной пятой ВВП. Разрыв доходов в верхних слоях общества и нижних – чудовищен, что позволяет с полным основанием поставить под сомнение утверждения многих маститых социологов о появлении в новых экономических условиях некоего полнокровного российского среднего класса. Если это социологический факт, то позвольте полюбопытствовать, а где же у зажиточных граждан деньги? Статистика, будем называть вещи своими именами, тоже нагло привирает о структуре российского общества, даже не заботясь об аргументации.

Предприниматели в “нормальной” капиталистической экономике, хотя есть смысл сразу договориться, что в современном мире, находящемся на пути к новому технологическому укладу, ничего классически нормального уже не осталось, вкладывают большую часть доходов в инновационное развитие предприятий и упорно добиваются результатов. Но только не наши, “изголодавшиеся” в советское время. До 75% их сбережений через офшоры растворяются на счетах западных банков. По-человечески искренне жаль мировую элиту. Окончательно потеряв сон и погубив от зависти печень, она в последние пятнадцать лет вынуждена ежедневно читать в жёлтой прессе о загулах и безумно дорогих покупках “новых” русских, странные фамилии которых с таким трудом переводятся на европейские языки. По разным экспертным оценкам, инвесторы из России вложили таким образом свыше триллиона долларов в западную экономику. В развитие же высоких технологий в собственном бизнесе перепали копейки. Не более 20% кредитных ресурсов, как считают эксперты. Собственников больше интересовал рост капитализации компаний, потому что первокласснику известно: чем выше стоимость акций, тем легче получить кредит. И зачем морочить себе голову, добиваясь повышения качества продукции, если можно просто купить конкурента. На это в основном и тратились в прошлые годы кредитные ресурсы. Слияние и поглощение компаний – любимое занятие “эффективных” российских собственников.

Смею заверить читателя – игра после финансового кризиса продолжается ещё в большем масштабе! Деньги стали дешевле, и соблазны виртуального успеха, заменившие мотивацию в бизнесе, не изменились. Прошедший 2010 год по объёмам сделок в сфере слияний и поглощений стал рекордным в современной истории. Прямо скажу, сомнительный успех отечественного предпринимательства, тем более, когда риски неизмеримо выросли. В период нового витка кризиса, а его исключать нельзя, даже если он не будет глобальным, Россия лишится экономики.

Вам интересно знать, что произойдёт, когда упадёт стоимость фондовых активов? Извольте, процесс будет развиваться следующим образом. Банки потребуют от заёмщиков увеличить залоговое обеспечение. Допустим, хотя сделать это очень сложно, необходимые активы найдутся. Но в условиях длящейся нестабильности резкие колебания на фондовом рынке не прекратятся, соответственно и цены на акции будут падать. Нужно понимать, что фондовый рынок уже давно не самостоятельный рыночный институт, на площадке которого продают и покупают конкретные доли в бизнесе. Он лишь малая часть глобального финансового рынка, где, шутят эксперты, торгуют не столь активами, сколько мнением о будущих активах, а подчас ещё более абстрактными предположениями о “будущем мнении”.

И, когда наступает маржинколл, кредитор требует от заёмщика внести недостающие деньги или вновь увеличить залог. Но ни финансов, ни свободных активов больше нет.

Два года тому назад мы это уже проходили. Спасая корпорации с виртуальной капитализацией, а честнее будет сказать, “равно не удалённых” от Кремля олигархов, Президент страны и всесильный глава правительства, неплохо изобразив на лице мучительные раздумья, с радостью раскулачили национальные запасы, о чём в душе долгие годы мечтали. Спасли тем самым многих “идейно близких” от неминуемого разорения, активы которых на вполне законных основаниях перешли бы под контроль иностранных банков. Рос-

сийская экономика, изрядно потрёпанная, прошла над пропастью по лезвию бритвы. Мне казалось, что наступил момент истины, и в 2010 году будет дан старт новой промышленной политике страны, рассчитанной на десятилетия. Увы, вынужден признаться — я оказался не прав. Надлежащих выводов не сделано. В действиях правительства, в правилах ведения бизнеса и мотивации поведения собственников крупных корпораций ничего не изменилось.

Эпоха капитализма, методом проб и ошибок, выработала определённые пропорции в объёмах инвестиций в зависимости от их источников. Есть непреложное правило, по сути, принятая в бизнесе норма, когда страна, проводящая модернизацию экономики или отдельных её отраслей, до 85% капитальных вложений осуществляет за счёт внутренних накоплений. При этом, в зависимости от авторитета государственной власти, её заинтересованности в решении той или иной проблемы и реальных финансовых возможностей, доля бюджетных ресурсов в общем объёме инвестиций может быть разной. Она определяется одним фактором — участие государства в проекте в различных формах должно убеждать частных инвесторов в серьёзности намерений.

Иностранные инвестиции привлекательны, кто с этим спорит. С их приходом всегда возникает надежда на получение более лёгкого доступа к высоким технологиям и новым рынкам сбыта продукции. Всё бы ничего, но реальность совершенно иная. Мировой рынок давно поделён между сильнейшими производителями, и неведомо откуда взявшиеся конкуренты никому не нужны. Даже потребители зачастую в этом не заинтересованы. Одни давно прикуплены, другим же просто не нужна головная боль.

Потому никаких иллюзий, мы живём в век глобальных монополий, порождённых всем ходом развития мировой капиталистической системы. Они и определяют правила игры. Проблем хватает у них и без России — один Китай, с его 10% процентами развития в 2010 году, чего только стоит, а на марафонскую дистанцию вышла уже Индия и не собирается сходить. Кому нужны какие-то жалкие зелёные побеги российской экономики, надёжно закатанной под асфальт либеральными реформаторами под аплодисменты американских консултантов.

По-настоящему неразрешимой при нынешней социально-экономической системе является проблема низкого качества человеческого материала. Россия этого страшного несчастья ещё не осознала или, не исключая, уже не способна понять, а власть без угрызений совести делает вид, что её всё устраивает. Об этом и поговорим, прошу только без обид. Хорошего не скажу — нечего. Имя трагедии, произошедшей с народом после распада СССР, названо давно — Русский Крест. Число убийств, суицидов, несчастных случаев на производстве и в быту со смертельным исходом, смерти от наркотиков и алкоголя можно сравнить только с происходящим в странах, вышедших из состояния войны. В конце 80-х годов было 8–10 случаев, в 2010-м уже 14. Развал страны и её социально-экономической системы нанёс убийственную психологическую травму народу, равную по последствиям пережитой в начале XX века революции и гражданской войне. Посттравматический синдром самым неожиданным образом будет сказываться и в последующих поколениях. Прежде всего, он проявится в психическом состоянии населения. Изменившаяся ментальность будет проявляться в ослаблении воли к жизни и преодолению трудностей, неуверенности в себе и отчуждённости в межличностных отношениях. Следствием униженного и попираемого до сих пор национального достоинства будут только на первый взгляд немотивированные взрывы агрессии в отношении других народов и окружающих людей с иными взглядами на прошлое, настоящее и будущее страны. Всё произошедшее и происходящее характеризуется мною, как всеобъемлющий кризис человеческих ресурсов. Прямо скажу, неутешительный диагноз в преддверии “славных дел”. Последствия его могут неизменно изменить политическое и социальное устройство России, её границы и положение в мире.

Поговорим ещё немного на языке цифр. Есть такое понятие — коэффициент качества человеческого материала. Численность населения и его способность конкурировать с другими народами в различных областях деятельности на уровне середнячков сохраняются при показателе, равном 1,0. В нашей стране жизнеспособность народа равна 0,48, работоспособность — 0,39, способность к обучению — 0,45, способность к инновациям, что имеет прямое отношение к модернизации — 0,59. О чём свидетельствуют эти цифры?

Вывод напрашивается сам — от нынешнего поколения россиян при всём желании нельзя ожидать большего, чем оно даёт сейчас. На судорожный прыжок мы, возможно, ещё способны, если разбежимся, но нет сил на разбег.

Тем более, вымираем, как в годы Великой Отечественной войны. Динамика снижения количества населения удручающая. В 1950 году в России в составе СССР было 102,7 млн человек, или 4,1% населения планеты. В 2000 году 145,6 млн — 2,4%. По усреднённому прогнозу ООН в России численность к 2050 году составит не более 101,5 млн — 1,1% землян, владеющих 1/8 территории планеты. Не сомневаюсь, любознательные евразийские соседи с большим интересом изучают развитие наших демографических процессов.

Как свидетельствует история, Китай, мыслящий категориями тысячелетий, умеет ждать, если внутренние проблемы не продиктуют ему иную логику поступков. Народы, исповедующие ислам, не столь терпеливы, и потому уже сегодня создают в России, а не только в Европе, мусульманские анклав, в которых они вольготнее живут по своим законам и не собираются считаться с нормами общежития приютившей их страны. Наблюдая за поведением “новых москвичей”, я убеждаюсь, эта публика не страдает комплексами провинциалов, впервые приехавших в столицу. Они не собираются жить в столице России по одной простой причине — для них такое государство, общее с русскими, не существует. Их воодушевляет идея халифата, и потому перед ними не стоит задача адаптироваться в незнакомом и чуждом обществе, изучить его культуру и национальные традиции. Цель иная — подстроить, а точнее, подломить под свои интересы созданную другими среду жизни. Им очень нравятся созданные гяурами материальные активы. Завладеть ими, заставить работать на себя русских — в этом стратегическая задача. Своим вызывающим поведением они уже сегодня демонстрируют свою независимость, сплочённость и решимость в достижении цели.

Во что превратились религиозные мусульманские праздники, которые от года к году с всё возрастающим размахом отмечаются в Москве и облюбованных ими областных центрах, напоминать уже не приходится. Когда-то, во времена СССР, в Москве постоянно проходили празднования дней национальных культур СССР, и заключительные концерты из Кремлёвского Дворца съездов транслировались по центральному телевидению на всей территории страны. Помню, с каким восхищением смотрели мы и радовались богатству нашей, как нам казалось, общей культуры, и, конечно, всех зажигала темпераментная лезгинка. А сейчас, когда я вижу, как небритые северокавказские “джигиты” по случаю и без случая устраивают на площадях российских городов дикие пляски со стрельбой под присмотром “застенчивых” русских милиционеров, почему-то не радуюсь. Знаю, это не наш “праздник” на нашей улице.

Мой приятель на рождественские дни с семьёй отправился в Бельгию и в последний час уходящего года с женой и детьми в приподнятом настроении пришёл на Гран-Плас — центральную площадь Брюсселя. Ощущения незабываемые, рассказал он, — всё пространство было заполнено многотысячной, шумной толпой развязных молодых арабов, и растерянные туристы, потерявшиеся в этой массе, испуганно жались друг к другу, уже не понимая, зачем они сюда пришли. Апофеозом встречи первой минуты Нового года стало многоголосое, всё заглушавшее скандирование “Аллах Акбар”. Европейцы, с доведённой до абсурда политикой защиты прав человека, высекли сами себя. Как тут не вспомнить известную героиню Салтыкова-Щедрина. Мусульманский мир последовательно поглощает христианскую цивилизацию в Европе вместе с её прекрасными городами и селениями. Это ждёт и нас в отсутствие национально мыслящего правительства. Пройдёт лет сорок, и русскому человеку вход на свою родную землю будет заказан. Скажете, быть такого не может? Меньше всего я хотел бы осознавать себя прорицателем, и с большой радостью буду готов признать в своём заблуждении. Поживём — увидим.

О Северном Кавказе как части модернизируемой России говорить не имеет смысла, он, как и Южный Кавказ, потерян. Горько, обидно, но если взяться за ум, дальнейший распад страны можно остановить. Нас по-настоящему сегодня должна тревожить и понуждать к разумному противодействию агрессивная экспансия живущих там малых народов. После распада Советского Союза и уничтожения индустриального уклада жизни они, незаметно для себя, вернулись в средневековье. Массовых протестов я не наблюдал. Как, впрочем, и в новых республиках Средней Азии.

И ещё одно наблюдение. Любимая “пионерская” речёвка молодых вайнахов: “Горы над нами – Россия под нами” – не просто каким-то остряком придуманное, оскорбительное для русских, словосочетание. Эта мировоззренческая матрица, идейная установка, взывающая к историческому реваншу, уже положена в основу воспитания нового поколения, и она даёт обильные ядовитые всходы. Винить в том, что происходит с нами, некого. Будущее станет закономерным результатом проводимой именно сегодня правительством политики, при нашем, каком-то неестественном безразличии к судьбе собственной и своих потомков. Я счёл необходимым вновь обратить внимание читателя на упорно не замечаемую властью опасность. Она имеет самое непосредственное влияние на проведение в стране реформ, от успеха которых зависит наше будущее. Наплыв в Россию огромного количества неквалифицированных рабочих из бывших среднеазиатских советских республик и северокавказских новых “абреков”, признающих только законы шариата и адатов и не готовых к созидательному труду, сведет на нет любые попытки власти, даже если она и захочет изменить к лучшему что-либо в нашей жизни.

У нас нет ни единого шанса провести модернизацию без людей, обладающих современными знаниями и профессиональными навыками. Массовый квалифицированный рабочий, сформированный в годы советской власти, “благополучно” исчез вместе с высокотехнологичным производством. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что он был уничтожен новой российской буржуазией как класс. Grimасы истории в России всегда отвратительны и алогичны. Что называется, отомстили почти через век классовому врагу! А как жить собираетесь дальше, господа? Кто вам будет создавать потребительскую стоимость, без которой вы быстро окажетесь в ночлежке вместе с бывшим “гегемоном”?

С тем, что осталось от промышленности, вы уже свалились в XIX век. Кадры и те готовите, как более ста лет тому назад, на рабочих местах. Система профессионального образования, лучшая в мире, разгромлена. Работать даже на оборонных предприятиях некому, средний возраст рабочих более 60 лет. Порождённая новыми условиями бытия люмпенизация с неизбежностью возродила почти забытый в СССР тип массовой личности с низкой общеобразовательной и технологической культурой. Сегодня в оставшихся отраслях экономики от 40 до 57% занятых не могут работать в области высоких технологий. Молодёжь, которая, по идее, должна стремиться в современное производство, элементарно безграмотна и лишена мотиваций к производительному труду. У них мысли такой нет, что труд является единственной, исторически обусловленной формой самореализации личности.

Российская публицистика с её духовными вождями, я бы даже сказал, настоящими “гуру” свободной мысли, завоёванной в борьбе на баррикадах с тоталитаризмом, как-то подозрительно обходит стороной признание убийственного для них факта. Фактически в России после установления “либерального царства” произошёл дефолт в сфере кадровой политики. Значит, всему тому, о чём так сладко мечталось на овечьих легендах коммунальных кухнях, заливая “горькой” свою непризнанную гениальность, не суждено быть. Страна по прошествии двадцати лет не только не достигла уровня стран “золотого миллиарда” по производительности труда, потреблению, а опустилась в промышленно-технологическом и экономическом развитии, не говоря уже о духовной сфере, значительно ниже СССР. Из первой десятки мы переместились на 67-е место в мире и по качеству человеческого материала. “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день”!

Именно поэтому у нас постоянные техногенные катастрофы, нет новых идей и не создаём ничего путного в технике. А всё огромное, во многом уникальное наследие в сфере науки и технологий, что нам досталось от “азиатского” социализма, морально и физически устаревает и доживает последнее десятилетие. Ничто не вечно в этом мире. Потому и живём в начале XXI века не благодаря интеллекту, а за счёт банальной продажи не возобновляемых природных ресурсов и, прежде всего, углеводородов.

Будет уместен ещё один вопрос. Кто живёт и за чей счёт? Не правда ли, интересно знать, сколько же человек из трудоспособного населения занято сегодня в производстве ВВП. Не поверите, почти 102 миллиона человек в России ничего не производят и существуют исключительно за счёт бюджета, то есть налогоплательщиков. Из них на долю силовых структур, включая армию

с её вспомогательными подразделениями, днём и ночью охраняющих нас от всевозможного криминала и коррупции, приходится 6 136 000 чел. Не мало, прямо скажем. Почему только среднестатистический россиянин при такой-то силе не испытывает чувства защищённости ни дома, ни в офисе, ни на улице? Правда, почему? Снова риторический вопрос. О количестве чиновников, чтобы не расстраивать читателя, скажу только одно – цифра неприличная. Даже после сокращения на 20% числа госслужащих по указу Президента России бюрократов через два года станет не меньше, чем силовиков. А это означает, что число “слуг народа” всё равно превысит в 5 раз количество чиновников всего СССР, включая партийных и комсомольских работников, получавших зарплату не из бюджетных денег.

Лично я, вероятно, по вредности характера, никогда не верил “ни тогда”, ни сейчас в подобную оптимизацию аппарата управления. Сам много лет был “начальником”, и говорят, не плохим. Извините, конечно, за явную нескромность, но, видит Бог, кое-что понимаю в управлении. Результат будет тот же, что и при изменении структуры правительства России в бытность, когда Владимир Путин был Президентом. Метод “ручного управления”, постоянно используемый им теперь уже на посту главы правительства, лучшее доказательство “эффективности” работы обновлённых министерств и государственных органов.

Профессиональная неадекватность поведения высших чиновников во время летних пожаров 2010 года, зимних метелей и холодов, многочисленных катастроф очевидна. Несостоятельность в вопросах экономики и социальной политики, а также неспособность гарантировать соблюдение конституционных прав человека тоже не вызывает сомнений. Всё это невольно наталкивает на крамольную мысль: а может быть, в целях экономии финансов, сократить само правительство и оставить лишь МЧС? Полномочия министерству даны достаточные, чтобы оперативно реагировать на постоянно возникающие чрезвычайные происшествия. А руководить страной так, как это делается уже много лет, просто нельзя. Опасно для той части населения, которое является стратегическим резервом в создании ВВП. Таких осталось всего 30 037 000 человек, вместе с малолетними детьми и школьниками. Есть расчёты, рисующие ещё более драматичную картину, по которой в реальном секторе экономики занято сегодня едва ли 10 млн человек. Может ли правительство России, я имею в виду все высшие органы государственной власти, и дальше делать вид, что ничего трагического в нынешнем состоянии народа нет? Если это так, то диалог между властью и наиболее образованной частью общества, осознавшего всю глубину падения страны, невозможен.

Настало время прервать теоретические рассуждения и ясно сформулировать условия, при которых модернизация в России всё-таки возможна. Прежде всего, мы должны быть убеждены, что страна и народ преисполнены амбициозным желанием доказать себе и всему миру, что русские-россияне чего-то стоят. Элита общества, в том числе интеллектуалы и творческие работники, договорившись по всем важнейшим вопросам проведения реформы, консолидированно встают в ряды сторонников национального возрождения. Это чрезвычайно важно, так как резко повышаются требования к нравственным и профессиональным качествам политиков и духовных лидеров, которым суждено стать носителями высшей идеи. Предприниматели, без которых бесполезно что-либо начинать, осознав свою гражданскую и социальную ответственность, ограничивают свои купеческие запросы и направляют все финансовые ресурсы на технологическое развитие производства.

Общество же должно понимать, что профессионализм людей, занятых серьёзным бизнесом – такое же национальное достояние, как и любой талант. Особая роль отводится бюрократии – это никем не заменимые штабные работники, человеческое воплощение государственной воли в проведении модернизации. Без квалифицированного госаппарата не будет ни осмысленных и дерзновенных планов реформы, ни организаторов их исполнения. Чиновники клянутся своей свободой на Уголовном кодексе Российской Федерации в бескорыстии. Никаких взяток, всё это в кошмарном прошлом. И последнее условие. Правоохранительные органы являют пример бескорыстного служения Отечеству, обеспечивают безопасность его и народа в этот самый сложный период истории. Власть, элита и большая, лучшая часть народа должны символизировать собой знаменитую русскую тройку, запряжённую орловскими

рысаками, которые в предчувствии азарта борьбы, не имея возможности больше сдерживать свою мощь, бьют копытом и рвут поводья из рук опытного наездника. В процессе работы над статьёй, поверьте, я многим, не самым глупым людям, исповедующим разные идейные и экономические воззрения, задавал одни и те же вопросы о наличии в обществе предпосылок, готовности к поведению модернизации. Что может дать инициатива Президента о создании в Подмоскowie российского центра инноваций и как она позитивно повлияет на сознание деловых людей. В ответ было длительное тягостное молчание. Не береди, мол, душу, приятель. Ни один серьёзный человек в эту затею не верит. Но, если не модернизация, то, значит, нас ожидает утилизация России?

Я до сих пор был убеждён — при грамотной политике правительства большая и лучшая часть граждан России за модернизацию, в надежде даже на иллюзорное светлое будущее. Ведь сама надежда, как бесспорное свидетельство продолжающейся жизни, активизирует волю человека, подталкивает его к осмысленным и созидательным поступкам. Как правило, не могут договориться своекорыстные элиты. Их собственные финансовые или политические интересы, личные амбиции, отсутствие понимания необходимости перемен, а зачастую, по-человечески понятное нежелание что-либо менять в своей устроенной жизни могут привести страну к катастрофическим последствиям.

Реальность такова, что сегодня вне планов назревших реформ находится большинство тех, от кого зависит успех, и в том числе технократы — носители бесценных знаний и практического опыта в сфере науки и технического прогресса. Народ же пребывает в растерянности. Он подавлен собственным бесправием, пришедшим пониманием, что от него ничего не зависит — за душой нет ни материальных, ни финансовых активов, ни понимания своей роли.

А между тем в эпоху управляемых перемен чрезвычайно важна вера в себя и в собственные силы. Ведь копировать чужую историю бессмысленно, хотя знать и использовать мировой опыт необходимо. Но главным всё-таки является учёт национальных традиций, культуры, особенностей исторического развития и, естественно, собственных возможностей. Чем выгодно и отличалась советская модернизация.

Начиная реформы в промышленности, нужно ясно представлять, на какое место в мировом разделении труда Россия может рассчитывать в дальнейшем. Успешное внедрение передовых технологий с трудом, но, тем не менее, позволяет потеснить конкурентов на мировом рынке, но продукция должна быть, прежде всего, востребована на внутреннем рынке. Это важнейший фактор консолидации национальной элиты и народа, которые могут наглядно убедиться, что результаты реформы не заставили себя ждать.

До такого благостного состояния ещё очень далеко, а пока нам всем нужно согласиться с тем, что либеральный подход к фундаментальным основам экономики отбросил Россию в прошлое. Она, как никакая другая страна, была жестоко наказана за легкомыслие и доверчивость к новоявленным “Моисеям”, навеваящим сладкие грёзы. Сегодня нам впору снова садиться за букварь и учиться работать с материальными и интеллектуальными активами, осваивать премудрость повышения отдачи в инновационном секторе промышленности, без которого движение вперёд невозможно. Хотя порой с отчаянием думаю, что моё Отечество не подвластно законам гегелевской диалектики, и потому вся его история — бесконечное движение по замкнутому кругу.

Сделать что-либо в условиях деградации политической воли руководства государства, науки, техники и кадрового потенциала общества очень сложно. Возврат к созидательной диктатуре, как методу и гаранту достижения поставленной цели, невозможен. Иное историческое время, другая страна, люди. “Буйных мало, вот и нету вожаков...”, как не вспомнить шутивную песню Владимира Высоцкого. Попытка же русифицировать версию “атлантического” пути изначально обречена на провал. Мы — русские, и это многое объясняет, как бы, находясь под очарованием европейских идеалов, от самих себя ни отрещивались.

При таком положении, если вдруг будет явлена воля власти, рассуждаю гипотетически, страну ждёт догоняющая модернизация, и исторический круг для России замкнётся. Это будет означать возрождение “спасительного” классического российского авторитаризма, хотя, будем откровенны, он никуда не исчезал. Ещё больше усилится власть коррумпированной бюрократии, и тогда, со всей очевидностью, все издержки переходного периода тяжким

бременем лягут на плечи народа, а не финансово благополучной части общества. Любая модернизация предполагает значительную интенсификацию человеческого труда, а в условиях частной собственности на основные средства производства она, как следует из политэкономии капитализма, усиливает эксплуатацию человека человеком.

Знакомые формулировки, не правда ли? А такая эксплуатация, по К. Марксу, теоретические выводы которого ещё никто не опроверг, кроме Гайдара, разумеется, неизбежно порождает концентрацию богатства и бедности. И всё бы ничего, да вот беда — на разных полюсах. Что дальше может последовать, догадаться не сложно. Выражу свою мысль предельно корректно — социальный взрыв.